

Египет встретил меня ярким солнцем и жарким ветром. Вокруг сновали смуглые, стройные аборигены. Ослепительная белизна улыбок и горящие интересом глаза невольно заставляли расслабиться и улыбнуться в ответ. ОТЕЛЬ оказался сверх всяких похвал. Да, папик знал толк в удовольствиях и всегда несколько расточительно относился к деньгам. Мне предоставили двухкомнатное бунгало на берегу моря, где мы мечтали провести незабываемые дни вдвоем, вдалеке ото всех, и которому теперь предстояло сыграть роль кельи для одинокой и страдающей души. От жалости к себе слезы опять навернулись на глаза.

Распаковав вещи и приняв душ, я вдруг почувствовала страшный голод. Перелет и переживания сильно притупили все чувства, но желудок требовал свое.

Весь отель жил по своим только ему известным законам. Мимо меня вальяжно и лениво проходили загорелые, удовлетворенные жизнью и питанием люди. Все улыбались и громко разговаривали. Русских среди них почти не было. В основном немцы и итальянцы. Атмосфера вечного праздника незаметно увлекла и меня. В ресторане сервис был на должном уровне. ОТЕЛЬ принадлежал испанцам, и местная обслуга была вышколена по всем правилам. Предо мной почтительно склонился метрдотель и, неслышно скользя между столиками, пригласил меня следовать за собой. Еда оказалась довольно вкусной, и вскоре меня наполнило чувство, что все начинает складываться вроде уж не так и плохо.

Но все же переживания подорвали мой организм, и весь остаток дня и ночь я проспала, как младенец. Проснувшись, я не могла понять, сколько времени, так как шторы в спальне были плотно задвинуты, и свет не проникал сквозь них в комнату. В гостиной слышались шаги, звук включенного телевизора. Меня словно ошпарило: «Это папик приехал! Не смог мне дозвониться, так как телефон я выключила еще в Москве, и прилетел следом!» Я пулей выскочила из постели и, едва накинув на себя халатик, бросилась в соседнюю комнату...

Посреди комнаты с пылесосом в руках стоял молодой человек. Мое появление в полу – расстегнутом халате произвело на него столь ошеломляющее впечатление, что я невольно рассмеялась. Мой смех вывел его на короткое время из состояния ступора, он вроде даже попытался улыбнуться, но снова застыл как вкопанный, не сводя своих черных блестящих глаз с моего неприкрытого тела.

Меня это начало раздражать. Я запахнула халат и строго спросила, что он делает в моем номере. Он очнулся от наваждения и на ломанном русском начал объяснять, что он стучал, но никто не ответил, и он подумал, что в номере никого нет...

Его ломанный русский и белоснежная обезоруживающая улыбка здорово развеселили меня. К тому же он был так красив! Не более двадцати лет, прекрасно сложен, похож на молодого бога, сошедшего с полотен художников эпохи Возрождения. Прерывающимся голосом он произнес хорошо заученную фразу:

– Ты очень красивая. Как тебя зовут?

Я улыбнулась в ответ и сказала:

– Меня зовут Наташа, – чем, видимо, очень его обрадовала, так как он быстро и правильно повторил:

– Наташа?

И улыбнулся настолько заразительно, что я тоже улыбнулась в ответ.

– Я – Мухаммед, пояснил он, показывая на себя рукой.

Мы стояли друг против друга и улыбались. При этом он не переставал откровенно раздевать меня взглядом своих горящих черных глаз. Его взгляд был настолько откровенен, что я смутилась.

– Мухаммед, тебе сколько лет? – спросила я, чтобы как-то разрядить обстановку.

Он понял мой вопрос. Ответил почему-то по-английски:

– Twenty, – для убедительности два раза показал свои растопыренные ладони.

Мы продолжали говорить на смеси русского, английского и языка жестов. Это выглядело очень забавно. Я, свободно владеющая тремя языками, никогда не думала, что мне придется, с трудом подбирая слова, говорить на смеси всех языков сразу.

Мухаммед был юн и очарователен. Он не был женат, так как, по его словам, на жену еще не заработал. Выходец из бедной семьи, он объяснил, что жена в их стране стоит дорого, и поэтому многие предпочитают русских девушек. За них не надо платить калым, их не надо учить, они красивые и раскрепощенные, но выйдя замуж за араба, им приходится жить, соблюдая традиции ислама. Говоря про русских девушек, Мухаммед мечтательно закатывал красивые глаза и причмокивал губами. Оказалось, что в силу своего юного возраста и строгости нравов в стране у него вообще никогда не было девушки. Говоря это, он продолжал открыто рассматривать меня, чем привел в замешательство. Откровенный зов его плоти вызвал отклик в моей душе, и я противилась этому как могла.

Быстро собравшись на море, я дала понять ему, что душеспасительная беседа окончена и поспешила покинуть опасное общество.

На улице солнце нещадно пекло. Раскаленная плитка тротуара, казалось, жгла через подошву. Народ исчез, ища защиты от жары в прохладе кондиционеров. На пляже было непривычно пустынно. Вода практически не охлаждала. Море было маслянистым и

ласковым. Я погрузилась в его теплые волны и быстро поплыла. Мне надо было отвлечься от неизвестно откуда взявшегося чувства сексуального томления и непреодолимого желания отдаться в руки этого неопытного мальчишки и позволить ему познать доселе неизведанные наслаждения человеческой плоти. Плавала я долго, до полного изнеможения. Есть не хотелось. Я вернулась к себе в номер.

Все происходящее утром казалось мне сном. В номере было аккуратно прибрано. Кровать застелена, а на покрывале из полотенец были выложены два лебедя, держащие в клювах алые цветы. Я улыбнулась.